

Рассказ Дмитриевича Ушинского. Ворон и сорока

Пёстрая сорока прыгала по веткам дерева и без умолку болтала, а ворон сидел молча.

— Что же ты молчишь, куманёк, или ты не веришь тому, что я тебе рассказываю? — спросила, наконец, сорока.

— Плохо верю, кумушка, — отвечал ворон, — кто так много болтает, как ты, тот, наверно, много врёт!

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 6. Рейтинг: 2,33 из 5)

☐ Загрузка...

Рассказ Дмитриевича Ушинского. В лесу

Константина

летом

Нет в лесу того раздолья, как на поле; но хорошо в нём в жаркий полдень. И чего только не насмотришься в лесу! Высокие, красноватые сосны развесили свои иглистые вершины, а зелёные ёлочки выгибают свои колючие ветви. Красуется белая, кудреватая берёзка с душистыми листочками; дрожит серая осина; а коренастый дуб раскинул шатром свои вырезные листья. Из травы глядит беленький глазок земляники, а рядом уже краснеет душистая ягодка.

Белые серёжки ландыша качаются между длинными, гладкими листьями. Где-то рубит крепконосый дятел; кричит жалобно жёлтая иволга; отсчитывает года бездомная кукушка. Серый зайчик шмыгнул в кусты; высоко между ветвями мелькнула пушистым хвостом цепкая белка. Далеко в чаще что-то трещит и ломится: уж не гнёт ли дуги косолапый мишка?

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 6. Рейтинг: 2,33 из 5)

☐ Загрузка...

Рассказ Дмитриевича Ушинского. Гусь и журавль

Плавает гусь по пруду и громко разговаривает сам с собою:

– Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я по земле, и плаваю-то по воде, и летаю по воздуху: нет другой такой птицы на свете! Я всем птицам царь!

Подслушал гуся журавль и говорит ему:

– Глупая ты птица, гусь! Ну, можешь ли ты плавать, как щука, бегать, как олень, или летать, как орёл? Лучше знать что-нибудь одно, да хорошо, чем все, да плохо.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 6. Рейтинг: 2,33 из 5)

☐ Загрузка...

Сказки

Константина

Дмитриевича Ушинского. Никита Кожемяка

В старые годы появился недалеко от Киева страшный змей. Много народу из Киева потаскал он в свою берлогу; потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут к царевне: «Узнай-де от змея, кто его сильнее». Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка, тот меня сильнее.

Как ушел зверь на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: «Есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея; пошлите Никиту меня из неволи выручать».

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить: выручить их дочку из тяжелой неволи. В ту пору мьял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидал Никита царя, испугался, руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку

наделали, и сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручать царевну, – не пошел.

Вот и придумали царь с царицею собрать пять тысяч малолетних сирот (осиротил их лютый змей) и послали их просить Кожемяку освободить всю Русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насмолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел. Подходит Никита к змеиной берлоге. А змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

– Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу, – сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться: вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они билися, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

– Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет; разделим же весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я в другой.

– Хорошо, – сказал Никита. – Надо же прежде межу проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева межу прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

– Землю мы разделили, теперь давай море делить, чтобы и о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить; вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи

мать, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени в две высоту. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

✖ ✖ ✖ ✖ ✖ (Голосов: 6. Рейтинг: 2,33 из 5)

✖ Загрузка...

Сказки Константина Дмитриевича Ушинского. Сивка-бурка

1

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий – Иванушка-дурачок: день и ночь дурачок на печи валяется.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам толочь и травить. Вот старик и говорит детям:

– Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь, поочередно:

поймайте мне вора!

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать; забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит:

– Всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед дураку идти. Взял он аркан и пошел. Пришел на межу и сел на камень: сидит, не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал в пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая – серебряная; бежит – земля дрожит, из ноздрей дым столбом валит, из очей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил, не тут-то было! Дурак уперся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

– Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу.

– Хорошо, – отвечает Иванушка-дурачок, – да как я тебя потом найду?

– Выйди за околицу, – говорит конь, – свистни три раза и крикни: «Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» – я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово – пшеницы больше не есть и не топтать.

Пришел Иванушка домой.

– Ну что, дурак, видел? – спрашивают братья.

– Поймал я, – говорит Иванушка, – разношерстного коня;

пообещался он больше не ходить в пшеницу — вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком; но только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

2

Скоро после этого стали по деревням и городам бирючи от царя ходить, клич кликать:

— Собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней, и кто на своем коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья: не то чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просится и Иванушка с ними.

— Куда тебе, дурак, — говорят братья, — людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья, а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошел грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул:

— Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из очей пламя, из ноздрей дым столбом валит; прибежал — и стал перед Иванушкой как вкопанный.

— Ну, — говорит конь, — влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит – народу видимо-невидимо; а в высоком терему, у окна, царица сидит: на руке перстень – цены нет; собой – красавица из красавиц. Никто до нее скакать и не думает: никому нет охоты наверняка шею ломать. Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам. Осерчал конь, прыгнул – только на три венца до царевниного окна не допрыгнул. Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад; братья его не скоро посторонились, так он их шелковой плеткой хлестнул. Кричит народ: «Держи! Держи его!» – а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принес домой.

– Вот вам, хозяйюшки, грибов! – говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана:

– Что ты, дурак, за грибы принес? Разве тебе одному их есть!

Усмехнулся Иван и опять залег на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели; а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

3

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами. Вышел в поле, свистнул, гаркнул:

– Сивка-бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Прибежал конь и стал перед Иванушкой как вкопанный. Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит – на площади народу еще больше прежнего; все на царевну любуются, а прыгать никто и не думает: кому охота шею ломать? Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам. Осерчал конь, прыгнул –

и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уж на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается.

На третий день опять братья поехали на праздник; прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плеткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул – и достал до окна. Иванушка поцеловал царевну в сахарные уста, схватил с ее пальца дорогой перстень, повернул коня и ускакал, не позабывши братьев плеткой огреть. Тут уж и царь, и царевна стали кричать: «Держи, держи его!» А Иванушкин и след простыл.

Пришел Иванушка домой: одна рука тряпкой обмотана.

– Что это у тебя такое? – спрашивают Ивана невестки.

– Да вот, – говорит, – искавши грибов, сучком накололся. – И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было; а Иванушке на печи захотелось на перстенок посмотреть; как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло.

– Перестань, дурак, с огнем баловать! – крикнули на него братья. – Еще избу сожжешь. Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать!

Дня через три идет от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собрался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться; а кто царским пиром побрезгует, тому голову с плеч.

Нечего тут делать: пошел на пир сам старик со своей семьей. Пришли, за столы дубовые посадились; пьют и едят, речи гуторят. В конце пира стала царевна медом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему; а на дураке-то платьишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна

рука грязной тряпкой завязана... Просто страсть!

– Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? – спрашивает царевна. – Развяжи-ка!

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень – так всех и осиял. Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела к отцу и говорит:

– Вот, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят – и глазам своим не верят. Сыграли свадьбу царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир. Я там был, мед пил; по усам текло, а в рот не попало.

     (Голосов: 6. Рейтинг: 2,33 из 5)

 Загрузка...

Сказки Константина Дмитриевича Ушинского. Братец Иванушка и сестрица Аленушка

I

Идут двое сирот, братец Иванушка с сестрицей Аленушкой, в дальний путь по открытому полю; а жар-то, жар их донимает. Захотелось Иванушке пить.

– Сестрица Аленушка, я пить хочу.

– Подожди, братец, до колодца дойдем.

Идут –

А солнце высоко,

Колодец далёко;

Жар донимает,

Пот выступает.

Стоит лошадиное копытце,

Полно водицы.

– Сестрица Аленушка! Хлебну я из копытца.

– Не пей, братец, жеребеночком станешь.

Вздохнул Иванушка, и опять пошли.

Идут –

А солнце высоко,

Колодец далёко;

Жар донимает,

Пот выступает.

Стоит коровье копытце,

Полно водицы.

– Сестрица Аленушка! Хлебну я из копытца.

– Не пей, братец, теленочком скинешься.

И пошли они дальше. Идут –

А солнце высоко,

Колодец далёко;

Жар донимает,

Пот выступает.

Стоит баранье копытце,

Полно водицы.

Не спросился уже у Аленушки братец: поотстал немного, схватил копытце и выпил до дна.

II

Оглянулась Аленушка, зовет братца; а вместо Иванушки бежит к ней беленький барашек. Догадалась Аленушка, что это за белый барашек, и горько заплакала. Но делать нечего, пошли дальше Аленушка с барашком.

Идут они, а навстречу им едет барин:

– Продай барашка, красная девица!

Аленушка отвечает:

– Нет, барин, этот барашек не продажный; это не настоящий барашек, а мой братец родимый.

Барин взял их обоих и повез к себе; потом на Аленушке женился, а барашка берег и холил. Жили они очень счастливо. Добрые, на них глядя, радовались, а злые – завидовали. Больше всех завидовала соседка, старая ведьма: думала она, что барин женится на ее дочери, да не по ее вышло.

Вот задумала ведьма Аленушку извести и стала ее подстерегать. Пошла раз Аленушка гулять; а ведьма схватила ее, навязала ей тяжелый камень на шею и бросила в реку. Дочку же свою обернула

Аленушкой и послала в барские хоромы. Никто ее и не распознал: сам барин обманулся. Один барашек все знал: не ест, не пьет, ходит по берегу да жалобно кричит.

III

Услышала новая барыня, как кричит барашек, и говорит барину:

– Вели барашка зарезать.

Удивился барин: «Как это, жена так любила барашка, а то вдруг велит его резать!» Однако согласился. И велела ведьмина дочь наточить ножи, разложить костры и нагреть котлы. Проведал барашек, что ему не долго жить: лег на бережку у реки и причитывает:

Аленушка, сестрица моя!

Меня хотят зарезати;

Костры кладут высокие,

Котлы греют чугунные,

Ножи точат булатные.

А Аленушка из-под воды братцу и отвечает:

Ах, братец мой, Иванушка!

Тяжел камень шею перетер,

Шелкова трава на руках свилась,

Желты пески на грудь легли.

Барин был неподалеку; услышал, как Аленушка с братцем переговариваются, и стал своих людей звать:

Собирайтесь вы, люди дворовые,

Закидайте невода шелковые!

Собрались люди, закинули невод и вытащили Аленушку. Отрезали камень, окунули ее в чистую воду и обтерли полотенцем. Ожила Аленушка и стала еще краше прежнего. Бросилась она барашка обнимать, а барашек стал уже Иванушкой. Зажили они тогда вдвоем лучше прежнего; а ведьмину дочь слуги метлами со двора прогнали.

Сказки Константина Дмитриевича Ушинского. Не плюй в колодец – пригодится воды напиться

I

Жили себе дед да баба. У деда была дочь, и у бабы дочь. Баба была злая-презлая, и дочь у нее такая же. Дед был человек смирный, и дочь его Машенька тоже девочка смирная, работающая, красавица.

Невзлюбила мачеха Машеньку и пристала к деду:

– Не хочу с Машкой жить! Вези ее в лес, в землянку; пусть там прядет – больше нарядет.

Совсем заела мужика злая баба. Нечего тому делать: запряг он телегу, посадил Машу и повез в лес. Ехали, ехали и нашли они в лесу землянку. Жаль старику дочери, да делать нечего! Дал он ей огниво, кремешок, трут и мешочек круп и говорит:

– Огонек, Маша, не переводи, кашку вари, избушку припри, а сама сиди да пряди; завтра я приеду тебя проведать.

Попрощался старик с дочерью и поехал домой.

Осталась Маша одна, весь день пряла; а как пришла ночь, затопила печурку и заварила кашу. Только что каша закипать стала, как вылезла из-под полу мышка и говорит:

– Дай мне, красная девица, ложечку кашки.

Машенька досыта мышку накормила, а мышка поблагодарила ее и спряталась.

Поужинала Маша и села опять пряхсть. Вдруг, в самую полночь, вломился медведь в избу и говорит Маше:

– А ну-ка, девушка, туши огонь, давай в жмурки играть! Вот тебе серебряный колокольчик: бегай да звони, а я буду тебя ловить.

Испугалась Маша, не знает, что ей делать; а мышка вылезла из-под полу, вбежала девушке на плечо да в ухо и шепчет:

– Не бойся, Маша, туши огонь, полезай сама под печь, а колокольчик мне отдай.

Машенька так и сделала.

Стал медведь в жмурки играть: никак мышки поймать не может; а та бегаёт да колокольчиком звонит. Ловил медведь, ловил – разозлился, заревел и стал поленьями во все углы швырять: перебил все горшки и миски, а в мышку не попал. Пристал наконец медведь и говорит:

– Мастерица ты, девушка, в жмурки играть! – и ушел.

II

Поутру баба сама посылает деда в лес:

– Поезжай, посмотри, много ли твоя Машутка напярла.

Уехал старик; а баба села у окна и дожидается, что вот-де приедет дед и Машуткины косточки в мешке привезет.

Сидит баба час, другой, слышит – что-то по дороге из лесу тарахтит, а шавка из-под лавки:

– Тяф-тяф-тяф! Со стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз добра везет.

Крикнула баба на собачку:

– Врешь ты, шавка! Это в кузове Машуткины косточки гремят!

Но заскрипели ворота, кони на двор вбежали, а Маша с отцом сидят на возу – полон воз добра! Почернела тут баба от злости и говорит:

– Эка невидаль какая! Вези мою дочку в лес. Моя Наташка не твоей Машке чета – два стада коней пригонит, два воза серебра привезет.

На другой день отвез дед бабину дочь в землянку и снарядил ее всем, как и свою. Наташа развела огонь и заварила кашу. Мышка выглянула из-под полу и просит:

– Красна девица, дай мне ложечку каши.

А Наташка как крикнет:

– Ишь ты, гадина какая! Еще каши захотела! – и швырнула в мышку поленом.

Мышка убежала, а Наташа села, всю кашу сама приела и легла спать.

В самую полночь вломился медведь в избу:

– А ну-ка, девушка, давай в жмурки играть! Вот тебе колокольчик: бегай да звони, а я буду тебя ловить!

Взяла Наташа колокольчик и стала бегать. Да куда! – колени трясутся, рука дрожит, колокольчик без толку звонит; а мышка из-под полу отзывается:

– Злой Наташке избитой быть!

Наутро баба посылает старика в лес.

– Поезжай, – говорит, – гони коней, вези серебро.

Уехал старик, а баба села у ворот и дожидается. Вот

затархтело по дороге из лесу, а собака из-под ворот:

– Тяф-тяф-тяф! Хозяйкина дочка едет, охает да кричит; а пустой воз тархтит.

Швырнула баба в собачку поленом:

– Врешь ты, шавка, это серебро в сундуках звенит!

Подъехал старик с Наташкой, и насилу-то ее с пустого воза сняли. Завыла тут злая мачеха, да делать нечего. А Машенька скоро потом за хорошего молодца замуж вышла.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 6. Рейтинг: 2,33 из 5)

☐ Загрузка...

Рассказ Константин Дмитриевича Ушинского. Гуси

Жил старичок со старушкой. Были у них дочка да сынок маленький. Собрались старики в город и приказывают дочке:

– Мы пойдем, дочка, в город, принесем тебе булочку, купим платочек; а ты будь умна, братца береги, со двора не ходи.

Ушли старики; девочка посадила братца на травку под окном, а сама побежала на улицу и заигралась. Налетели гуси, подхватили мальчика и унесли на крылышках.

Прибежала девочка, глядь – нет братца! Кинулась туда-сюда – нету! Кликала девочка, кликала братца – не откликается. Выбежала в чистое поле – вдали метнулось гусиное стадо и пропало за темным лесом. «Верно, гуси унесли братца!» – подумала девочка и пустилась гусей догонять.

Бежала девочка, бежала, видит – стоит печка.

– Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего ржаного пирожка – скажу.

А девочка говорит:

– У моего батюшки и пшеничные не едятся!

И побежала дальше.

Бежит девочка дальше и видит – стоит яблоня.

– Яблоня, яблоня! Куда гуси полетели?

– Съешь моего лесного яблочка – тогда скажу.

– У моего батюшки и садовые не едятся! – сказала девочка и побежала дальше.

Бежит девочка и видит: льется молочная речка – кисельные берега.

– Молочная речка – кисельные берега! Скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего простого киселика с молочком – тогда скажу.

– У моего батюшки и сливочки не едятся!

И побежала девочка дальше.

Долго бы пришлось бегать девочке, да попался ей навстречу еж. Хотела девочка ежа толкнуть, да побоялась наколоться и спрашивает:

– Ежик, ежик, куда гуси полетели?

Ежик и показал дорогу девочке. Побежала девочка по дороге и видит – стоит избушка на курьих ножках, стоит поворачивается. В избушке сидит баба-яга, костяная нога, морда глиняная, сидит и братец на лавочке у окошка, золотыми яблочками играет. Подкралась девочка к окну, схватила братца и побежала домой. А баба-яга кликнула гусей и послала их за девочкой в погоню.

Бежит девочка, а гуси совсем ее нагоняют. Куда деваться? Прибежала девочка к молочной речке с кисельными берегами:

– Реченька, голубушка, укрой меня!

– Съешь моего простого киселика с молочком.

Похлебала девочка киселика с молочком. Тогда речка спрятала девочку под крутой бережок, а гуси мимо и пролетели.

Выбежала девочка из-под бережка и побежала дальше, а гуси ее увидели и опять пустились в погоню. Что делать девочке? Прибежала она к яблоньке:

– Яблонька, голубушка, спрячь меня!

– Съешь моего лесного яблочка, тогда спрячу.

Нечего девочке делать – съела она лесного яблочка. Яблонька закрыла девочку ветками; гуси и пролетели мимо.

Вышла девочка из-под яблони и пустилась бежать домой. Бежит, а гуси опять ее увидели – и ну за ней! Совсем налетают, крыльями над головой машут. Чуть-чуть добежала девочка до печки:

– Печечка, матушка, спрячь меня!

– Съешь моего ржаного пирожка, тогда спрячу.

Поскорей съела девочка ржаного пирожка и залезла в печь. Гуси пролетели мимо.

Вылезла девочка из печки и пустилась домой во весь дух. Гуси опять девочку увидели и опять погнались за нею. Вот-вот налетают, крыльями по лицу бьют, того и гляди, братца из рук вырвут, да изба-то была уже недалеко. Вбежала девочка в избу, проворно двери захлопнула и окошки закрыла. Покружились гуси над избой, покричали, да так ни с чем и полетели к бабе-яге.

Пришли домой старичок и старушка, видят – мальчик дома, жив и здоров. Подарили девочке булочку и платочек.

     (Голосов: 6. Рейтинг: 2,33 из 5)

 Загрузка...

**Сказки
Дмитриевича
Вареный топор**

**Константина
Ушинского.**

Пришел солдат в село на квартиру и говорит хозяйке:

– Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А старуха в ответ:

– Вон там, родимый, на гвоздике повесь.

– Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

– Где хочешь, там и заночуешь.

– Ах ты, старая дура! погоди, я те глухоту-то вылечу! – И полез было солдат к ней с кулаками: – Подавай, старая, на стол.

– Да нечего, родимый!

– Вари кашу!

– Да не из чего, родимый!

– Давай топор, я из топора сварю.

«Что за диво! – думает старуха. – Дайка посмотрю, как он из топора кашу сварит», – и принесла топор.

Солдат положил топор в горшок, налил воды, поставил в печь и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит:

– Всем бы каша взяла, только бы круп подсыпать.

Принесла баба круп. Солдат опять стал варить, попробовал и говорит:

– Совсем бы каша готова, только бы маслицем сдобрить.

Принесла ему баба и масла. Сварил солдат кашу.

– Ну, старуха, – говорит, – давай теперь хлеба да соли да берись за ложку: станем кашицу есть.

Похлебали вдвоем кашу, старуха и спрашивает:

– А что же, служивый, когда топор будем есть?

Солдат ткнул в топор вилкою и говорит:

– Еще не доварился, сама завтра довари!

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 6. Рейтинг: 2,33 из 5)

☐ Загрузка...

Сказки Константина Дмитриевича Ушинского. Мена

Купался богатый купец в реке, попал на глубокое место и стал тонуть. Шел мимо старик, мужичок-серячок, услышал крик, кинулся – и купца из воды вытащил. Купец не знает, как старика благодарить. Позвал к себе в город, угостил хорошенько и подарил ему кусок золота величиною в конскую голову.

Взял золото мужичок и идет домой, а навстречу ему барышник целый табун лошадей гонит:

– Здравствуй, старик! Откуда Бог несет?

– Из города, от богатого купца.

– Что же тебе купец дал?

– Кусок золота в конскую голову.

– Отдай мне золото, возьми лучшего коня.

Взял старик лучшего коня, поблагодарил и пошел дальше. Идет старик, а навстречу ему пастух волов гонит.

– Здравствуй, старик! Откуда Бог несет?

– Из города, от купца.

– Что же тебе купец дал?

– Золота в конскую голову.

– А где же оно?

– Променял на коня.

– Променяй мне коня на любого вола.

Старик выбрал вола, поблагодарил и пошел.

Идет старичок, а навстречу овчар – гонит овечье стадо:

– Здравствуй, старичок! Откуда Бог несет?

– От богатого купца, из города.

- Что же тебе купец дал?
- Золота в конскую голову.
- Где же оно?
- Променял на коня.
- А конь где?
- Променял на вола.
- Променяй мне вола на любого барана.

Взял старик лучшего барана, поблагодарил и пошел дальше.

Идет старик, а навстречу свинопас – поросят гонит:

- Здравствуй, старик! Где был?
- В городе, у богатого купца.
- Что же тебе купец дал?
- Кусок золота в конскую голову.
- Где же оно?
- Променял на коня.
- А конь где?
- Променял на вола.
- А вол где?
- Променял на барана.
- Давай мне барана, бери себе лучшего поросенка.

Выбрал старик поросенка, поблагодарил пастуха и пошел.

Идет старик, а навстречу ему коробейник с коробком за спиной:

- Здравствуй, старик! Откуда идешь?
- От купца, из города.
- А что тебе купец дал?
- Золота в конскую голову.
- Где же оно?
- Променял на коня.
- А конь где?
- Променял на вола.
- А вол где?
- Променял на барана.
- А баран где?
- Променял на поросенка.
- Променяй мне поросенка на любую иглу.

Выбрал старик славную иголку, поблагодарил и пошел домой. Пришел старик домой, стал через плетень перелезать и иглу потерял.

Выбежала старику навстречу старушка:

- Ах, голубчик мой! Я без тебя здесь совсем было пропала. Ну рассказывай – был ты у купца?
- Был.
- Что тебе купец дал?
- Кусок золота в конскую голову.
- Где же оно?

- Променял на коня.
- А конь где?
- Променял на вола.
- А вол где?
- Променял на барана.
- А баран где?
- Променял на поросенка.
- А поросенок где?
- Променял на иглу: хотел тебе, старая, подарочек принести, стал через плетень перелезать и потерял.
- Ну, слава же Богу, мой голубчик, что ты сам вернулся; пойдём в избу ужинать.

И теперь живет старичок со старушкой, счастливы и без золота.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: **6**. Рейтинг: **2,33** из 5)

☐ Загрузка...